

НЕ БУДЬ КАЗАНСКОЙ СИРОТОЙ

Советы психолога перед сессией

1. Совет бывалого студента: "Когда я чувствую страх, неуверенность, робость, то категорично и строго приказываю себе: Быстро успокойся! Хватит ланиковать! Немедленно возьми себя в руки и за работу!" Такой самоприказ действует, как бодрящий душ, настраивает на продуктивную работу.

2. Очень важны внушение и установка на высокую самоотдачу. Наряду со знаниями хорошему результату способствует прочная позиция: "Сдать экзамен на хорошо и отлично", желание и воля.

3. Старайтесь читать материал крупными блоками, разделами. Сначала чтение - просмотр, затем подробное изучение с записью основных положений. "Хоть память прочная - большое благо, но все же надежней памяти бумага!" Краткие записки на отдельных карточках включают название вопроса развернутый план содержания ответа с выводом. Такие записки нужны для беглого повторения.

4. От механического переписывания формул и цифр на шпаргалки знаний не прибавится и память не станет прочнее. Напротив, она от этого становится "песочной". Механические записки всегда настраивают на забывание.

5. Выработайте навык излагать текст "от себя" вслух, пересказывая его своими словами. При этом ты поймешь лучше и запомнишь материал прочнее.

6. При чтении не только не кури, но знай, что одна выкуренная сигарета снижает объем памяти на 5-6 процентов.

7. Выключи радио, магнитофон при чтении. Воздействие радиопомех на работоспособность в 8-10 раз больше, чем шума уличного.

8. Понятно, что раньше ты привык мыслить логически, а вот сейчас попробуй представлять нелогические мысленные образы, связывая с ними запоминаемую информацию. Ассоциативный метод - это метод зацепок и связей. Пользуйся им, и ты получишь блестящую память.

9. Четкий режим труда и отдыха - залог успеха. Нужно учесть при этом, что наибольшая активность умственной работы в утренние часы до обеда (с 6 до 13 часов), после этого она постепенно снижается до 17 часов, далее, до 21 часа следует новый подъем, а затем наступает быстрое падение работоспособности. Наиболее низкая активность приходится на 2-4 часа ночи. И еще: все знают, что читать лежа - вредно, но редко кто из студентов этого не делает...

10. Для содержательного общения с экзаменатором у тебя должен быть определенный запас ключевых слов и терминов, по предмету, несущих главную смысловую нагрузку. Их можно назвать зернами смысла, опорными словами. Для разговорной тренировки эффективна такая игра: за одну минуту постарайся назвать 60 таких слов.

11. Вот и наступил тот долгожданный день экзамена, который принес вам успех.

Хорошо выспались, встали рано утром и успели по своим запискам повторить особо трудный материал. Позавтракали? А оделись по-праздничному? Конечно, не забыли "счастливое" платье, рубашку. Давайте себе заранее установку с целью внушения веры в успех, убеждения в прочных знаниях. И не надо "плакаться в платочек" перед друзьями, мол, я ничего не знаю, много еще не успел пройти по билетам, что, наверное, схвачу двойку. Такая психологическая игра под названием "казанская сирота" ни к чему хорошему не приведет.

12. Перед входом в аудиторию ослабьте высокое нервное напряжение надо следующими приемами: поднимись по лестнице на четвертый этаж - три-четыре, и это как рукой снимет волнение. Возьми себя в руки. Не допускай изменения состояния движения, заземления мышц, речевых сбоев, особенно в момент взятия билета и начала подготовки ответа. При сильном волнении удобнее сесть в позу "кучера" и попытаться сказать себе уверенно: "Успокойся, ничего страшного, сейчас все будет в порядке".

Сделай 3-4 успокаивающих вдоха и выдоха, расслабь мышцы лица, вызови чувство тяжести во всем теле, прохладу во лбу и мысленно произнеси формулу: "Настроение бодрое! Голова ясная! Я верю в успех!". На снимке: перед сессией.

Фото А. ШАДРИНА.

ОМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ.

САН С НОВЫМ ГОДОМ

ОРГАН СОВЕТА ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

* N 1 (47)

* 10 января 1992 г.

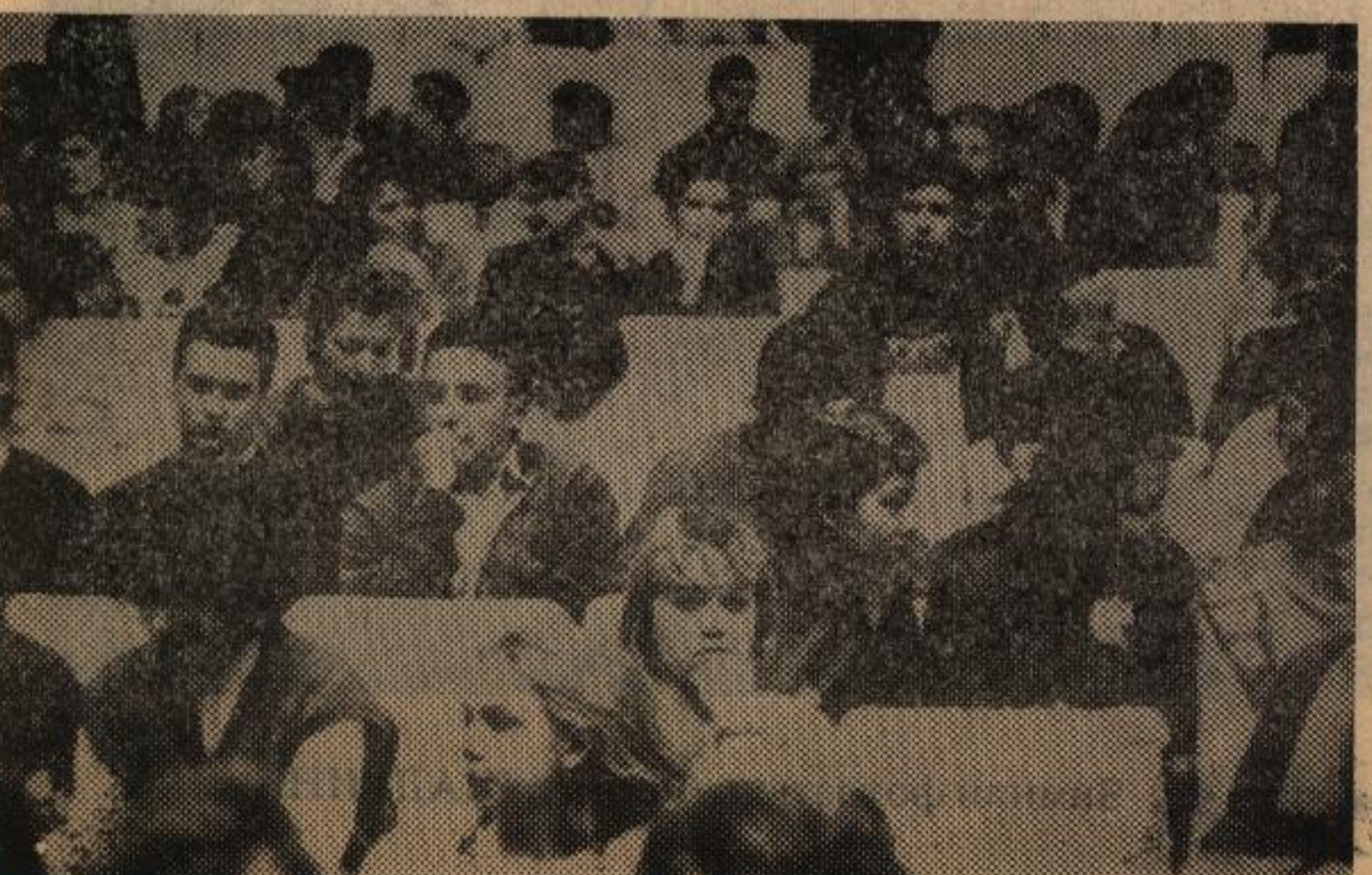
* Цена 20 коп.

Говорят, в год Обезьяны ничего нельзя желать окружающим всерьез, ибо она может свернуть кого угодно на любой безумный поступок, но мы, граждане бывшего СССР, настолько привыкли за годы перестройки к безумным (а, вернее, безответственным) поступкам нашего руководства, что... Однако думаем, что наш скромный подарок - новогоднее представление по мотивам "Трех мушкетеров", состоявшееся 26 декабря в ДК "Химик", внесло в нашу жизнь частичку тепла, доброты, света, так необходимых всем сегодня. В нем участвовала группа театра миниатюр "Домовой" в составе Андрея Козлова, Бориса Худобенко, Сергея Сорокоумова, Бориса Гнатко, Сергея Кулыгина, Андрея Ледовских, Александра Вольмана, Константина Лебедева, Виктора Волоткина, Натальи Тимофеевой, Ирины Смольниковой, Ольги Гончарук, Светланы Самоделькиной, Татьяны Юнчуговой.

На снимке: Дартаньянов - А. Ледовских, Бонасьева - Н. Тимофеева; зал полон.

Фото А. ШАДРИНА.

ПОДАЙТЕ НА ПРОПИТАНИЕ

В конце декабря на заседании ректората решено вместе с январской стипендией выплатить студентам и слушателям подготовительного отделения по 70 рублей на питание, перечислив 190 000 рублей в фонд социальной помощи нуждающимся студентам.

Для справки: в декабре на эти деньги можно было купить 3 кг яблок или 3 кг мандарин. Что ж, в год Обезьяны надо переходить на ее рацион. Жаль, нет бананов!

ПРЕДНОВОГОДНИЙ УЧЕНЫЙ СОВЕТ

начался с насущного - решения (пока на январь) об увеличении стипендии до 310 рублей всем успевающим студентам (тем, кто учится без троек - до 340, тем, кто только на пять - до 370) Аспирантская стипендия - 400 руб., студенты-сироты получают 430 руб., слушатели подготовительного отделения - 270 руб. Специально для ворчунов: решение принято советом на свой страх и риск, без распоряжения "сверху", выплаты из собственного бюджета.

В "ногу со временем" переименованы две кафедры. Кафедру государственного права, управления и советского строительства (зав. кафедрой А. И. Казанник) отныне постановлено называть кафедрой государственного и муниципального права, а кафедра этнографии, историографии и источниковедения истории СССР (зав. кафедрой Н. А. Томилов) теперь называется кафедрой этнографии и современной отечественной истории.

Несколько изменены правила

приема в ОмГУ на 1992-й год по сравнению с предыдущими. Выделено некоторое количество мест для приема на компенсационной основе (т.е. с платой за обучение): на математический и исторический факультеты - по 10, на юридический - 25, на экономический - 15 сверхплановых мест), это при том, что остаются сверхплановые места для лиц немецкой национальности). Изменено кое-где и набор дисциплин для вступительных экзаменов, так, на химфаке математика будет заменена физикой, на истфаке вместо устного экзамена по литературе будет сдаваться отечественная история XX века (первый профильный экзамен теперь - по отечественной истории IX-XIX вв.). Из правил приема на заочное и вечернее отделения исключен пункт о льготах для спецстажистов, демобилизованных из СА и окончивших средние специальные учебные заведения по родственной специальности).

Кто бы мог подумать, что настоящий диспут разгорится из-за пункта N 1 "Правил приема..." - кого же принимать в ОмГУ? Ранее он был изложен так: "... принимаются имеющие среднее образование граждане СССР". Новая редакция исключила последнее слово, но чем же заменить его? просто - "гражданин"? Или перечислить все суверенные республики? А, может (и некоторые склонились к этому), принимать абитуриентов из того же, к примеру, Казахстана как иностранцев - за плату? Ведь и сейчас в нашем вузе обучается свыше 20 процентов студентов не из России. Или принимать "иногородних", как и прежде, на общих основаниях, однако потребовав двойного гражданства, например, России и Азербайджана? К единому мнению пока так и не пришли.

Ужесточены также правила отчисления студентов за академическую неуспеваемость. Теперь имеющий три и более задолженностей по учебному плану без уважительной причины отчисляется без предоставления ему права на пересдачу. Допускается не более двух пе-

ресдач (в том числе комиссии, создаваемой деканом по заявлению студента).

Обсуждена также возможность с 1992/93 учебного года замены курса ГО курсом "Основы медицинских знаний и охраны здоровья детей" на факультетах, готовящих преподавателей (кроме юридического и экономического) в объеме 108 аудиторных часов на основе договора с медицинским колледжем (ОМУ-3).

Заключительный вопрос повестки дня учебного совета - о подготовке ОмГУ к аттестации - отложен на январь.

На этом же заседании утверждены в ученом звании профессора АЛЕКСЕЕВ Петр Демидович, доктор физико-математических наук (кафедра физики твердого тела), БЕРЕСТОВСКИЙ Валерий Николаевич, доктор физико-математических наук (кафедра математического моделирования), КАЗАННИК Алексей Иванович, доктор юридических наук (кафедра государственного и муниципального права, СЛЕСАРЕВ Владимир Львович, доктор юридических наук (кафедра гражданского права и процесса), ТОПЧИЙ Валентин Алексеевич, доктор физико-математических наук (кафедра математического анализа). В ученом звании доцента - ИССЕРС Оксана Сергеевна, кандидат филологических наук (кафедра общего языкознания). На должность заведующего кафедрой всеобщей истории утвержден кандидат исторических наук доцент САДРЕТДИНОВ Генрих Кутдусович, профессора кафедры педагогики и психологии - ЩЕРБАКОВ Евгений Павлович, доктор психологических наук, доцента кафедры педагогики и психологии - ДУБЕНСКИЙ Юрий Петрович.

Издательство "Омская правда" приносит свои извинения коллективу ОмГУ, редакции газеты за задержку новогоднего номера "ОУ" по вине типографии.

Я есмь путь
и истина
и жизнь

МН-91

Свет Вифлеемской звезды

"Когда родился Христос, перестало биться сердце Рима" - изящная, почти поэтическая метафора Александра Блока точно и емко выражает, однако, сокровенную суть тех отдаленных от нас событий, что изменили однажды декабрьским вечером жизнь целого мира. "Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока, и говорят: "Где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему..." (от Матфея, 2: 1-2)..."

"Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье забывая Жизни своей и возврате в отчизну..." Гомеровские гекзаметры мешались с латинскими, память вновь пробуждала горестные мысли. Пальцы коченели и стило не слушалось их - буквы уже не выстраивались центуриями на огрубевшем от сырости и холода пергаменте, но рассыпались подобно варварам, сбегаящим по склону холма с дикими криками и быстрыми молитвами своим неразумным богам навстречу врагу и своей смертной доле. Огонь в очаге угасал, и надо было встать, пойти за хворостом, поддержать мерцающее пламя. Но и воля вместе с пальцами стыла, одни мысли - скорбные и высокие - обжигали память.

В глазах, если их закрыть, заслонить от языков теплящегося еще огня холодными ладонями, вставал величественный, родной до боли облик Вечного Града. Суровая и строгая отчизна напоминала властно о себе. Там осталось не

только все, что было в жизни у него до безжалостной опалы, но, казалось, там остался он сам, а здесь, в холодном и диком гетском краю, поселился лишь жалостный призрак его исстрадавшейся души.

Форум, залитый солнцем, резкие южные тени, прорезающие уютное пространство внутреннего дворика его дома, заплаканное лицо жены - точно такое, каким он видел его последний раз в своей жизни, оборотившись с порога. И каменное божественное, почти чеканное лицо принцепса, жесткие слова, упреки, не заслуженные им - видят боги! И горечь осознания чудовишной несправедливости, и странное спокойное чувство необходимости повиноваться, лица друзей, прячущих глаза, стыдливо комкающих разговор. И улицы Города, родная речь, высокое голубое небо... По щеке его сползла скупая слеза, он догнал ее вялой ладонью, но вослед той накатилась еще одна. Он был уже стар и страшно одинок. Поэт плакал.

За порогом выла сарматская метель. Первые годы ему было трудно привыкнуть и к самому холоду, и к обильным снегопадам, пронизывающим ветрам, к вою волков сквозь звуки зимнего ненастья. Но теперь ему казалось порой, что чужая зима даже нужна его измученной душе, ибо обостряет его притупившиеся чувства. Стихи рождаются легче в это тяжелое время года.

А стихи были скорбными и пронзительными, словно он желал ими приблизить свою смерть - желанную и отталкивающую страшную одновременно. В стихах он надеялся прожить намного дольше, чем отведено Судьбою брэнному человеческому телу и истосковавшемуся сердцу в жизни земной. Даже благие и всемогущие боги не властны над своим роком, и они точно так же отступают перед неумолимой Судьбой. Есть ли что выше слепой судьбы, неужто никакой единый вселенский разум не правит миром? Неужели человека ожидает только мрачное и безмолвное царство теней?

Стихи должны были стать засушниками, вымолить прощение справедливого божественного принцепса, разнести Городу и миру весть о том, что он жив, что он мыслями и чувствами во всем согражданами, что он готов питать славу свою новыми творениями, а не одними старыми заслугами. Стихи должны были пережить его. Он имел не меньшее право, нежели когда-то Гораций посчитать свои стихи Монументом, что тверже меди...

Сразу за порогом стояла темная глубокая ночь, наполненная ветром, колючим снегом и чужими звуками, дыханием непонятого - не понятного за все годы, что он здесь! - мира. Порог был стиснут льдом, твердым и бесстрастным. Лед сковывал реку во тьме ночи. Здепние варвары называли реку Дунай и устраивали на ее льду игры, развезжая по льду с помощью ползюев, примотанных к ногам и плетеным сиденьям. Он так и не привык ни к имени этой чужой реки, совсем не похожей на родной Тибр, ни к зимним утехам и грубому веселью подгулявших варваров. Римский плебей, орущий во всю глотку в цирке "Добей его!" и обладающий всех вокруг запахом латука и дрянного вина, ничуть ни милее косматого, закутанного в мохнатую овчину сармата, разгоряченного морозом и шумными катаниями по льду, пахнувшего овечьим сыром и кислым пенным напитком, которое тут поглощают в невероятных количествах на редких, сказать по правде, праздниках. Но римлянин был соотечественником, пусть и плохим, а сармат или гет был все же варваром, пусть и добрым и в сущности вполне терпимым в общении. Он, Поэт, оставался чужеземцем для них, и мало этого сказать, но оставался сколком того горячо любимого, оставленного лишь под гнетом судь-

бы и властного приказа мира. Никакого другого он не знал и не хотел думать о всем том, что не умещалось в строгие очертания этого замкнутого царства установленных предками законов и традиций...

Мир этот звался Рим. И не было такого другого, или же даже подобного хоть в чем-нибудь, не было во всем свете, подвластном воле богов - римских и многочисленных варварских. Он не мог изменить этому миру даже в минуты отчаяния и обиды. Даже в бытовых мелочах своего скудного существования здесь, вдали отечественных пенатов, он не мог позволить себе отказаться от некоторых привычек, заведенных кем-то до него правил. Только такое упорное вынужденное тщеславие спасало его. Иначе было не выдержать всех испытаний, обрушившихся на него. Дух его не был сломлен только оттого, что его поддерживало тщеславие. А если ли что-либо иное, способное удержать слабую душу человеческую на опасной грани между невыносимым отчаянием и безрассудным дерзким бунтом смертного человека против небес?

Быть римлянином значило для Поэта многое. Это значило происходить из славного предками рода, принадлежать к осященному веками и законами неизблемому целому - чье гордое имя Народ Римский. Остальной мир принадлежит Риму, разве осмелится кто сказать иначе? "Нет уже иудея, ни язычника; нет раба; свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе" - это еще не сказано никем, и Павел еще не апостол, неразумное дитя, играющее в бабки подле порога отеческого дома... Быть римлянином - значит быть соратником принцепса, современником Божественного Октавиана Юлия, исполнять его волю, следуя предначертаниям бессмертных богов. Отец народа, восстановитель Республики, мудрейший из мудрых, справедливейший из справедливых. Кто дерзнет сравняться с ним в его авторитете? Под его дланью вся знаемая земля.

Вот он, тот муж, о котором тебе возвещали так часто: Август Цезарь, отцом божественным вскормленный, снова Век вернет золотой на Латинские пашни, где древле Сам Сатурн был царем, и пределы державы продвинет, Индов край покорив и страну рамантов, в те земли, Где не увидишь светил, меж которыми движется солнце...

Анхизово прорицание исполнилось, мог ли думать славный Вергилий, что восплаемый им Цезарь совершит более того, что предсказывал ему поэт, обившийся с самими богами и сведущий в тайнах грядущего? Как странно, некогда он заучивал вместе с другими своими соратниками по учению строки великой "Энеиды" и не знал, что Парки уготовили ему самому этот тяжкий и возвышенный удел Поэта! Нет давно Вергилия, но Цезарь, хвала богам, здравствует, властной рукой простер закон и мир в пределы державы. Слава его перешагнула и за них, вызывая в варварских землях ропот почтения и изумленного страха.

Но не обязан ли Цезарь свою славою не только богам и своей твердости, но и его, поэта, творениям? Разве не Гомер воспел подвиги Агамемнона? Разве не Вергилий запечатлел деяния молодого Августа? И он, Публий Овидий, разве не укреплял эту славу, разве не продолжил великую летопись славной судьбы? За что же, о милосердные боги, обрушился на него гнев Цезаря? Изю дня в день, месяц за месяцем, годы уже тараали его эти раздумья. Но он был римлянином и принял суровое решение своего Цезаря

без ропота и возмущения. Только разум его, признавая государственную правоту наказания, не мог принять все же до конца, какой-то подлый червь сомнения точил изнутри мозг и сердце - степен кары. Что содеял он столь преступное, заслуживающее вечного изгнания? Лучше бы смерть, приговор более милосердный, нежели этот, обрекающий его, в придачу к страданиям физическим, на муки сознания... За то, что жив, что терплю все тягости

стойко,
Что не постыла мне жизнь и треволенья
ее,
Муза, спасибо тебе! Ибо ты утешенье
приносишь,
Отдых даешь от тревог, душу приходишь
целить...

Уже высохли слезы на старческих щеках. Поэт бесстрастно глядел в затухающий огонь очага, отрешенно ворошил тлеющие угли. Точно так же в душе своей он лениво и даже как-то привычно - это сделалось чудовищным ритуалом его каждого одинокого вечера - ворошил неугасимые угли былой обиды. Теперь он не перебирал возможных своих ошибок, не ломал голову над теми обстоятельствами государственной необходимости, которые могли заставить Цезаря избрать его, Поэта, показательной жертвой жестокого эдикта. Справедливого? Нет. И уже деяния героев прошлого, их дисциплинированный жертвенный выбор - будь это подвиг Гая Муция, прозванного Сцеволой, консула Деция Муса, либо достоправных женщин, матери и супруги Кориолана, жены Лукреция Коллатина - не убеждали его ни в чем. Что их подвиги, осященные доблестной историей маленького Отечества? Кто объяснит ему, лишенному злым роком Отечества, смысл его подвига? Сердце Рима уже перестало биться. Мир раздвинулся до непостижимых звездных пределов. Кто определяет течение светил, кто следит за нитями человеческих жизней?

Он нашел в себе силы все же подняться, закутавшись в теплый старческий плащ, нехотя оставил нагретую теплом тела широкую скамью. Взял с полу веревку для хвороста, подбросил на угли последние щепки и вышел за скрипучую дверь.

Метель уже давно утихла. Звездное зимнее небо было ясным до прозрачности. Высокое и почти черное, оно как-то странно убаюкивало суетную человеческую волю. Среди видимых созвездий трепетал далекий-предалекий отсвет давно погасшей звезды. Такие быстрые, взметнувшиеся и падающие вмиг звезды, род людской суеверно привык отождествлять с исключительными знаменаниями. Изменял ли этот несчастливый гигантский мир, не управляемый уже жалкими богами, неуютный для потерявших свой путь людей, какие-то догорающие звезды?

Поэт не знал, не мог догадываться даже, что "когда Ангелы отошли на небо, пастухи сказали друг другу: пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам Господь..." Овидию Назону, ссыльному римскому гражданину и опальному поэту, не было дела до какого-то назаретского плотника Иосифа и его жены Марии. Ему не ведом был "младенец, лежащий в яслях", Иисус, Сын Человеческий, ставший Сыном Божим. Да и сам Иисус еще не знал, что его нарекут Христом, не догадывался о своей Голгофе. Еще все было впереди. Но уже родился Христос...

Николай МИСЮРОВ.
Рис. автора.

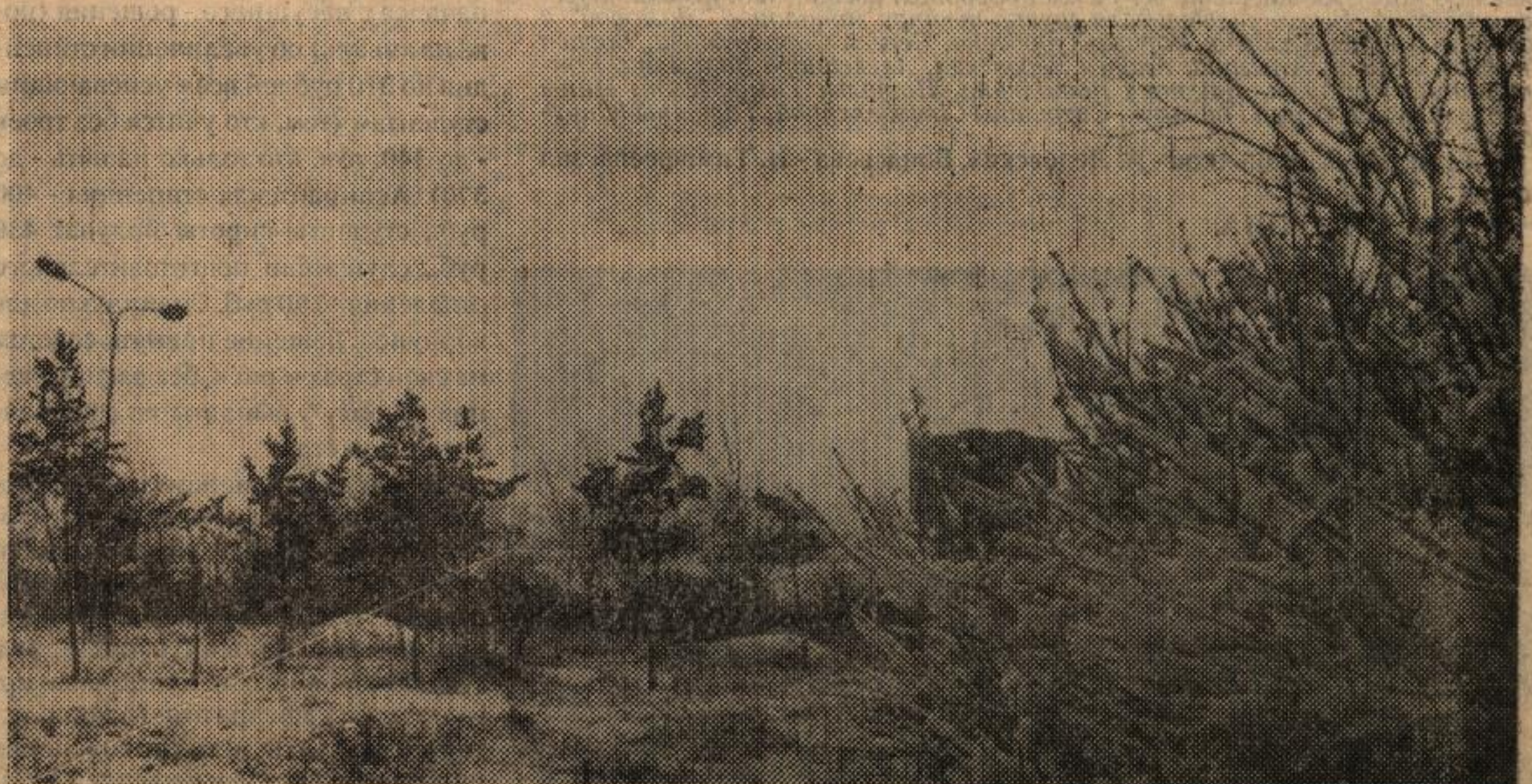
Куда уж круче - аж на зубах вязнет

КВН между ОмГУ и ОГВН - казалось бы, что за пир для ума и сердца? Что ж, я там был, смотрел на пир, по ушам текло, а в душу не запало. Вроде бы - "и обидно, и досадно, нуда ладно".

Ах нет. "ОУ" за 27 декабря прошлого года выдает отклик Л. Сабылиной на КВН - настоящие глазенье по головке. Вот, мол, ребята старались, а не получилось. Просто - не получилось. А просто не бывает. Когда люди, выходя на сцену от имени "alma mater", не знают слов, сбиваются, или излагают шутки, бороды которых тянутся от сцены до парт в универе, становится и скучно, и грустно, и некому руку пожать. Ну, ладно, топорная работа - она и есть топорная, но зачем ее на публику, публика-то не виновата! И 59 баллов, заработанных нами, против 106 "ветеринарных" - это, если честно, даже много.

Мне не хочется обижать тех, кто хотел защитить честь университета, кто взялся за это. Но где клещ ко всему студенческому племени, где объявления о репетициях университетской команды? Все это - подпольно, тихо, конспиративно. Можно, наверное, с такой программой выступить от имени одной взятой группы - сугубо перед своими, скажем, на турнире претендентов. А разве в университете так-таки и нечего больше показать? Много хороших людей у нас, да каждый почему-то сам по себе, как князь на Руси во времена оны.

В. ЗЕМЛЯКОВ,
искренний болельщик.

Зимний фотозюд. Фото А. ШАДРИНА.

БѢЛЫЕ

/наброски киносценария/

...1919 год. Маленький уездный городок в южной губернии России. Разгул совдепии, тирания большевизма, типичный пейзаж господства коммунистов - кругом голод, тиф, холера, разруха, массовые расстрелы заложников, необузданные трупы на улицах. Везде грязь, кровь, юркие комиссары в кожанках, с маузерами, портфелями и мандатами. Крупным планом - их лица с яркой печатью дегенеративной тупости, жестокости, хитрости и исторической обреченности.

...ЧК. Подвалы, доверху забитые трупами. Палачи-чекисты. Среди множества уродливых, кровожадных и по-звериному оскалившихся харь лишь одно вполне человеческое лицо - доброе, по-русски открытое, с мудрым и пронзительным взглядом. Зритель как-то сразу признается, что такое лицо может принадлежать только внедренному в ЧК белому офицеру, сотруднику денкинской контрразведки (его играет Вячеслав

Тихонов времен Штирлица). Во весь кадр - думающие глаза. Голос за кадром: "Как быть?.. Доблестная Добровольческая армия уже недалеко от города, и готовящиеся к паническому бегству большевистские твари замыслили самое ужасное из своих злодеяний - поголовный расстрел городской интеллигенции".

...Заседание бюро уездного комитета большевиков. Чучело недавно замученного попа в углу комнаты. Абажур из кулацкой кожи на уютно освещаемой кабинет настольной лампе. В книжном шкафу - труды основоположников коммунизма и чья-то засушенная голова в офицерской фуражке. За столом вразвалку сидят большевистские заправилы уезда - сплошная явная выродки, негодяи, дебилы, садисты. Определенно выраженной славянской внешностью обладает только один из членов бюро, которого играет Армен Джигарханян. Крепко стиснув зубы, этот не растерявший еще остатков совести человек молча самоеет, как его товарищи по

партии обсуждают планы будущего кровопускания. Циничный хохот, 12-этажные матюги, цитаты из Маркса, Ленина, Троцкого и Свердлова. Джигарханян нараспуть. Голос за кадром: "Всю жизнь отдал борьбе за воплощение в действительность коммунистической утопии и вот - страшное прозрение... Большевистская партия на деле оказалась алчной сворой политических мошенников, авантюристов, отъявленных подонков и безжалостных убийц!".

Совещание закончилось. На столе появляются бутылки с самогоном и миски с холодцом.

...Ночь накануне вступления в город славных белогвардейцев. Подвальное помещение, где ЧК держит приговоренных к расстрелу. На грязном заляпанном паркетном полу сидят и лежат врачи, учителя, инженеры, агрономы, астрономы, физики, химики, артисты, купцы, чиновники, писатели и поэты - весь цвет местной интеллигенции. Тихие, деликатные, культурные, несуетливые разговоры. Примадонная гастролирующей в городе оперы (ее играет Алла Пугачева) поет похоронный марш.

У входа в подвал греются двое чекистов. Из их ленивой беседы, щедро пересыпанной матом и цитатами из последней речи Ленина, зритель с содроганием узнает, что вчера за городом эти двое изловили некую барышню-гимназистку с лукошком грибов. Любительницу грибных блюд они вначале зверски избили, затем изнасиловали, затем застрелили.

- А че? Вкусная была девка! - вспоминающая, плотоядно ухмыляется один из караульных. Ежась от ужаса, зритель далее узнает, что и над Аллой Борисовной нависла страшная угроза. Оказывается, перед ликвидацией канибалы из чрезвычайки собираются потешиться и с нею. Дескать, все одно шлепнут бабу, так чего добру без толку пропадать?

Из окружающей тьмы выходят Тихонов и Джигарханян, якобы проверяющие караулы. Короткая дружеская беседа. Затем наши герои угощают обоих чекистов вначале махоркой, а потом и финкой под ребро. Из мрака появляется еще полтора десятка людей с одинаково одухотворенными и прекрасными лицами - это члены подпольной монархической организации молодежи, с которой удалось связаться Тихонову. Поскольку выпустить интеллигентов из подвала по какой-то причине нельзя,

то им надо продержаться в обороне до прихода своих. Роют окопы, заправляют ленту в очень кстати оставленный караулом "максим". И ждут...

...Рассвет. Неумолимо строчит "максим", в упор кося орды красноармейских бойцов РККА. Они падают, но уцелевшие продолжают атаковать, размахивая оружием, красными знаменами и бутылками с самогоном. Оди за другим гибнут смелые юноши-подпольщики. Наконец, в живых остаются только двое - Тихонов и Джигарханян. Кончается последняя лента в "максиме" и патроны в револьверах. Крепко обнявшись, они целуются, а затем, поднявшись во весь рост и стиснув в четыре руки свою единственную гранату, ждут приближения улюлюкающих краскомов. Но тут из-за холма на лихом коне выносятся в развевающейся бурке молодой красавец-генерал (его играет Михаил Ульянов середины 60-х годов), а с ним - его прославленная в боях дивизия улан. Побросав винтовки и знаменем и крепко прижав к груди бутылку с самогоном, красная сволочь пытается спастись бегством. Из подвала выходят спасенные интеллигенты, радостно обнимают и целуют своих бесстрашных спасителей. Особенно горячо целуются Джигарханян и Пугачева.

...Спустя неделю. Тот же городишко. Власть белых. Везде порядок, дисциплина, спокойствие, изобилие продуктов и товаров в магазинах, множество нарядных барышень на бульварах, вежливые и галантные патрульные, бенефис Аллы Борисовны в театре, уходящие на фронт уланы-ульяновцы. Начальник контрразведки, обязательный полковник с безукоризненными манерами (Юрий Соломин времен "Адыюганта его превосходительства"), нервно хрустит артистически тонкими пальцами, укоряет виновато понурившего Тихонова:

- Вы, кажется, забыли, штабс-капитан, что работаете уже в ЧК! У нас, милостивый государь, заключенных не бьют, да-с!..

Тихонов повинно молчит. Час назад, на допросе одного из захваченных в плен комиссаришек, когда тот смачно харкнул на портрет почившего в бозе государя императора, он, офицер, дворянин, белый контрразведчик! - не сдержался и ударил вырочка. Ударил не больно, чисто символически, лайковой перчаткой по щеке, но это уже ничего не меняло в ситуации: он, Тихонов, позволил се-

бе ударить пусть и большевика, но все-таки - человека!

- Я очень ценю, уважаю и даже люблю вас, Слава! - с горечью говорит Соломин. - Но завтра утром вы будете расстреляны.

Тихонов щелкает каблукми: - Так точно-с, господин полковник!... Виноват-с! Заслужил-с! ...За стеной вновь гремят выстрелы, взрываются гранаты и снаряды, стучат по брусчатке колеса тачанок и копыта коней, - в город, воспользовавшись уходом на фронт гарнизона, врываться банда Нестора Махно. Несуетливо, с достоинством отстреливаясь, немногочисленные добармейцы отступают из города в окрестные леса. Тихонов и Джигарханян выбирают путь через подполк и тоже бегут в лес.

Обстановка обостряется. На опушке леса появляется группа красноармейцев в сопровождении телеги с самогоном и Аллы Борисовны Пугачевой в аккуратно разорванном от шеи до пят платье. Хрипло распевая "Интернационал", люди в шинелях всем взводом приступают к изнасилованию общенародной любимицы, Аллы Борисовны зовут на помощь, и наши герои не могут не откликнуться на отчаянный зов дамы...

Из-за деревьев гремят меткие выстрелы. Насильники один за другим валятся на землю. Алла Борисовна, всхлипывая от благодарности, целует своих спасителей, причем наиболее старательно - Соломина. В этот самый миг из чащи на выстрелы выбегают вдрызг пьяный батальон РККА. Огонь, дым, комыя земля, ничего не видно. Потом из-за деревьев наконец-то выносятся уланы с Ульяновым во главе. Его лихие молодцы косят сабельками краскомов, как сорную траву. Тем временем четверо любимых народом артистов в слегка окровавленном виде лежат на траве. Ульянов прыгивает с коня и гулко рыдает над их телами. Потом, взяв на руки Аллу Борисовну, очень долго несет ее куда-то за горизонт, надо понимать - подальше от Соломина. Слезы мужественно стекают по его обветренному в боях с социализмом лицу...

Звучит прекрасная, бессмертная, одухотворенная, великая музыка Баха, Бетховена, Чайковского, Глинка и Аллы Борисовны Пугачевой.

КОНЕЦ ФИЛЬМА
Владелец КУЗЕМО.
("Мегаполис-экспресс",
N 44, 1991 г.)
Рис. Б. ОСИПОВА.

Писать можно и без читателя

Потрясающее открытие сделал мистер Мисюров в своей статье: "...У капитана Лебядкина есть внуки, сохранившие традиции деда". ("ОУ", 6 декабря 1991 г.)

Статья написана мастерски. Литературный лев оскалится на ягненка, осмелившегося сделать робкие шаги на поэтической стезе. Бедный агнец не подозревал, какой каскад уничижительно-оскорбительных фаз вызовет его невинные пробы пера. Как вы смеете, неизвестные, беспородные, вторгаться на священную территорию владыки филфака? Инфузория, посмевавшая заговорить с солнцем на языке богов, инфузория, у которой появилось желание слиться с богами, насладиться волшебной тишиной, увлечься магией строк и звуков. Разум часто подводит в ситуациях, когда важен голос сердца. А что, если у инфузории также есть душа?

А что, если однажды наступит день, когда гордый властитель природы, считающий себя венцом мироздания, перестанет осознавать происхождение, будет тупо смотреть на черное дымовое небо, на обреченные останки своего бывшего величия и посылать проклятие вечности? А могила человека станет колыбелью новой души, и несчастная инфузория вдруг осознает себя как личность и встанет под знамя Христа или Будды? Мы слишком торопимся развешивать ярлыки, но поспешность хороша разве что при ловле блох.

В свое время Байрону не советовали писать стихов, Толстой смеялся над Шекспиром, Набоков не заметил гениальности Бродского, который, в свою очередь, видимо, от увлеченного самолюбия, не признавал писательского дара Набокова, Гумилев не увидел таланта собственной жены, а самого Гумилева считали бездарностью многие знаменитые современники. Все относительно. Писатель не более полезен, чем кузнец или ткач.

Для поэта сложение стихов - это священнодействие, он

мистически относится к сочетанию слогов и приписывает им чудесные свойства. В этом его ошибка. Для большинства людей его стихи бесполезны и не нужны. Общество прет своей дорогой независимо от тех или иных философских систем. И от того, что какой-то поэт-одиночка тешит себя надеждой, что он способен пробудить в людях лучшее, помочь им увидеть другое, ранее непонятное явление, ничто не изменится. Поэту, впрочем, как и сапожнику, трудно осознать, что он не исключителен, и что не он - конечная цель.

Но это поэту, а что говорить о несчастной инфузории, с клеймом мелкого незаметного существа, которая вдруг подумала о своей исключительности. Хотя у нее есть все основания на определенную гордость: ведь она прародительница всего многообразия существующих ныне живых форм.

Члены "Клуба одиноких сердец", конечно, не Данте и не Петрарки, не Байроны и не Пушкины. Но и мистер Мисюров тоже ведь не Писарев и не Белинской и даже не пресловутый Бахтин. Он также, как и все, подвластен рефлексии, а именно она - источник бед человеческих. Критика необходима, без хорошей критики нет хорошей литературы. Старая истина, но, увы, верная. Вы имеете право на существование. И нам никуда не деться от этого аспекта. И сатана, и Иуда имеют своих почитателей. Те, кто верят в Христа, объявляют крестовые походы против служителей других культов. Но кто дал им право считать свою веру истинной, свой взгляд и вкусы правильными и непогрешимыми?

Новизна быстро стареет. На смену абсурду КОС придет что-нибудь другое. Вечное остается вечным. Вычурные, рассчитанные на свежесть восприятия фразы мистера Мисюрова так же одряхлеют, как костюм, сшитый Карленом. Нетерпимость живуча, у нее всегда есть свои фанаты, готовые в любую минуту громить инакомыслящих. И пусть писания КОС никому не нужны, это не столь важно. "Писать можно и без читателей - просто потому что нравится", - сказал один из самых удивительных мастеров пера. По-моему, он прав.

Антон ЧЕРНЫЙ.

Елена ЕФРЕМОВА

Куда уходит год, пройдя своей круг?
Зачем ему идет на смену новый?
Как будут дальше жить мой враг и друг?
Подарят ли мне новый лист кленовый?
Хохочут, плача, спины стройных струн,
Рождая звуки рваные из опер...
И только гулко маленький вещун
Долбится долго в дуги белых ребер.

Солнце - на целом свете,
В солнце смеется снег.
Небо синее в солнце,
Радостней - человек.
Мчится по льду со смехом,
Падают в снег, и ...вдруг
Белые кони пальцев
Тянут упряжки рук.

ЛЕКЦИЯ

Полная аудитория.
В ячейках тел - яйца лиц.
Вот было бы хорошо:
Лица бы не были вареными,
Из каждого яйца
Вылупился бы птенчик
ДУШИ.

